

А ведь за эту химеру, выходящую своим идеальным таять во тьме, прикрыта ее гостеприимным знаменем тысячи мелких личностей, советам не идеальных побуждений и интересов: зависть одного к достаточному, блудствующему тунеядцу, процветающему труженнику, порывавшему развужающие инстинкты к дикому разгулу, честолюбие и властолюбие вожаков партии.

Моя задача приходит к концу, скоро наступит торжественный час исполнения нашей великой судебной обязанности, и в совещательной комнате перестанут вашим умственным взором вновь представлять все, что послужит основанием вашего приговора, все, что вы видели и слышали на суде. Не мнѣ говорить, не вам слушать о необходимости значения того решения вопроса виновности, которое вырежут вашими устами высшая человеческая справедливость и закон ее совершеннейший выразитель. Вы знаете и без моих указаний, что судьба России ждет этого решения, и возмущенная усюю только тогда, когда услышит его властный голос. Но чрезвычайный, грозный смысл вашего согласия с выводами обвинения — а в этом согласии я не колеблюсь сомневаться — так, я думаю, является в человеческом сердце так настойчиво требует примирения чувств с разсудком, что я прошу позволения именно об этом конечном смысле предстоящего вам суждения сказать несколько заключительных слов. На основании всей совокупности данных судебного следствия на основании приведенных мною доказательств виновности подсудимых я не только не предлагаю вам произнести о них безусловно обвинительный приговор. Только такой приговор вытекает из представленных вам доказательств, только такою карательная послѣдствія соразмерны съ злодѣяніемъ 1-го марта и виною всѣхъ шести обвиняемыхъ въ этомъ злодѣяніи подсудимыхъ. Безнадежны суровы и тяжки эти послѣдствія, опредѣляющія ту высшую жару, которая отнимаетъ у преступника самое дорогое изъ человеческихъ благъ — жизнь; но она законна, необходима, она должна поразить преступниковъ карею убійства. Она законна, а въ безусловномъ примѣненіи дѣйствующихъ законовъ, въ благоумномъ преклоненіи передъ ними, въ строжайшемъ охраненіи установленнаго или правильнаго гражданскаго строя — вся наша гражданская сила въ настоящее трудное время — все намъ спасеніе. Она необходима потому, что противъ царевубійцъ и враговъ народа нѣтъ другого средства государственной самозащиты. Человѣческое правосудіе съ ужасомъ останавливается передъ ихъ преступленіями и съ содроганіемъ убѣждается, что только того оно заклеймило, не можетъ быть мѣста среди божьяго міра. Отрицатели вѣры, бойцы всемірнаго разрушенія и всеобщаго, дикаго, безначалія, противники нравственности, безпощадные развратители молодежи, всюду несущіе они свою страшную пропаганду бунта и воровъ, отбывая убійствами своей отвратительный слѣдъ. Дальше имъ идти некуда. 1-го марта они совершили мѣру злодѣйствъ. Довольно выстрадали изъ за своихъ наша Родина, которую они запятнали драгоцѣнною Царскою кровью — и въ вашемъ лицѣ Россия свѣтитъ надъ ними своей судьбѣ. Да будетъ же убійство Величайшаго изъ Монарховъ послѣднимъ дѣяніемъ ихъ земнаго преступнаго поприща. Людямъ отверженнымъ, Отечествомъ проклятымъ, передъ правосудіемъ Всевышняго Бога иуды дадутъ они отвѣтъ съ своихъ злодѣяній, и потрясенной России возвратятъ ей миръ и спокойствіе. Россия раздавитъ враговъ, и смиряетъ передъ волею Промысла повсѣлшаго ей тяжкое испытаніе, въ пережитой борьбѣ почерпнетъ новыя силы, новую горячую вѣру въ свѣтлое будущее. Не оттого хотѣла мрачные заговорщики 1-го марта, но все же ихъ кровавые вандалы и злодѣйства разобьются о вѣрную русскую грудь, разлетятся въ прахъ передъ нашимъ разумомъ, волею и любовью русскихъ людей. Крамола могла тайнымъ ударомъ перебить преходящее теченіе хрупкой человеческой жизни, хотя бы, по Божьей волѣ, то была жизнь великаго Государя России, но крамола была и всегда будетъ безсилна поколебать вѣковую русскую преданность Престолу и существующему государственному порядку. Съ карнемъ вырветъ русский народъ аскіе племена Русской земли, и тѣсно, дружно сомкнувшись несчетными рядами благомыслящихъ гражданъ, бодро послѣдуетъ за своею несокрушимою, единою священной надеждой, за своимъ нынѣ вступавшимъ на Царство Августѣйшимъ Вождемъ!

Затѣмъ первоприсутствующій предоставлялъ слово защитникамъ подсудимыхъ.

Прис. пов. Унковскій (защитникъ подсудимаго Рысакова). Гг. сенаторы, гг. сословные представители! Приступая къ исполненію возложенной на меня тяжелой обязанности, я прежде всего долженъ просить

у васъ о снисхожденіи къ себѣ, такъ какъ задача эта выше моихъ силъ и средствъ. Нужно ли говорить о трудности защиты по настоящему дѣлу, когда еще находишься подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ событій 1-го марта, о которыхъ такъ подробно и хорошо говоритъ господинъ обвинитель. Я понимаю, что очень многимъ приходится въ голову то, что защита по настоящему дѣлу совершенно невозможна, что защита быть не можетъ. И действительно, обстоятельства настоящаго дѣла таковы, что подобная мысль можетъ прийти въ голову. Но во всякомъ случаѣ обязанность защитниковъ, назначенныхъ отъ суда, священна. Мы обязаны исполнять эту задачу уже потому, что великій составитель судебныхъ уставовъ, на основаніи которыхъ происходитъ въ настоящее время судъ надъ подсудимыми, сказалъ въ издавшемъ имъ законѣ, что никто не можетъ быть обвиненъ за преступленіе иначе, какъ на основаніи этихъ уставовъ, въ которыхъ защита является такимъ же факторомъ правосудія, какъ и обвиненіе. Само собою разумѣется, я не являюсь здѣсь защитникомъ совершеннаго злодѣянія; я защищаю только лицо, которое его совершило. Я долженъ отнять сравадливость обвинения, облумачъ въ подробностяхъ его рѣчь, я долженъ заявить, что въ ней исчислены подробно всѣ обстоятельства, которыми говорить въ пользу подсудимаго, защита всего поручена мнѣ судомъ, и если я могу прибавить что либо къ сказанному имъ то, лишь потому, что обвинитель смотритъ на преступника не своими глазами, какъ смотритъ на него защита. Защитникъ, ознакомившись частнымъ образомъ съ подсудимымъ, какъ бы въ было густою совершенное имъ злодѣяніе, скорѣе можетъ отыскать въ немъ черты, которыя объясняютъ совершаемое имъ преступленіе. Я полагаю, что пользуясь тѣми же чертами подсудимаго, которыя уже намѣчены г. прокуроромъ, я могу вывести изъ нихъ нѣсколько иное заключеніе. И не говорю объ ужасѣ совершеннаго преступленія, но полагаю, что во всякомъ случаѣ мы не можемъ обращать этого дѣла въ дѣло мести, хотя бы изъ благоговѣнія въ священной памяти царя, погибшаго отъ руки убійцъ, находящихся въ настоящее время предъ судомъ. Я думаю, что они должны пользоваться всѣми гарантіями правосудія, которыя установлены покойнымъ Государемъ Императоромъ. А потому я считаю долгомъ изложить все то, что могу сказать въ пользу подсудимаго Рысакова.

Самъ обвинитель уже объяснилъ вамъ что Рысаковъ, участвовавшій въ злодѣяніи 1-го марта, едва вышелъ изъ отроческаго возраста, имѣетъ за собой хорошее прошлое, извѣстенъ своею хорошею нравственностью и былъ вовлеченъ въ это преступленіе примѣромъ и убѣжденіями другихъ лицъ. Я полагаю, что едва ли въ этомъ можно сомнѣваться. Я напомню вамъ показанія, которыя дали набобная старушка, прѣбывавшая изъ Череповца, и ее племянница. Онѣ удостовѣрили предъ вами, что въ теченіи пяти лѣтъ, которыя прожилъ подсудимый въ бытѣ съ ними въ одномъ домѣ, онъ былъ извѣстенъ имъ за мальчика хорошей нравственности и самого мягкаго характера. Само собой разумѣется, что общія мѣры нравственности не можетъ быть приложима къ политическимъ преступленіямъ, и что лицо, извѣстное за честнаго человѣка и даже благоразумнаго, будучи увлечено политическими заблужденіями, можетъ совершить подобное злодѣяніе. Но въ настоящее время мы имѣемъ дѣло не только съ человѣкомъ хорошей нравственности, но даже и съ человѣкомъ мягкаго характера. Когда защита этого лица была поручена мнѣ, и когда я удостовѣрился изъ производствъ дѣла въ томъ, что въ Череповцѣ и вообще въ Новгородской губерніи, откуда онъ пошелъ сюда въ 1879 году, всѣ знали его за мальчика мягкаго характера, я пришелъ въ совершенное недоумѣніе и полагаю, что преступленіе совершено было имъ подвлеченіемъ какого нибудь шенкоза. Я искалъ, нѣтъ ли въ немъ какой нибудь органической болѣзни, которая могла бы дѣйствовать на мозгъ и въ слѣдствіе этого просились бы экспертизы. Мои ходатайства было уважено судомъ, но такой болѣзни въ подсудимомъ Рысаковѣ не найдено. Поэтому я остался въ совершенномъ недоумѣніи, но въ настоящее время судебное слѣдствіе отчасти разъяснило, какъ образомъ этотъ человѣкъ дошелъ до того злодѣянія, которое онъ совершилъ 1-го марта текущаго года. Изъ объясненій моихъ съ подсудимымъ оказывается, что онъ прибылъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1879 года. Я прошу васъ, господа судья, припомнить, что въ то время Петербургъ кишѣлъ людьми, принадлежавшими въ революціонной партіи, что это было самое горячее время ихъ дѣятельности, когда приготавливались или покушенія. Такимъ былъ именно конецъ 1879 года. Затѣмъ Рысаковъ, какъ объяснилъ уже прокуроръ, въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года былъ арестованъ по подозрѣнію въ политической неблагонадежности, въ слѣдствіе того, что онъ приходилъ на квар-

тиру государственнаго приставника Ширяева за еденіемъ, и что онъ жилъ тогда съ сожительницею этого Ширяева (олгорукою) на одной квартирѣ. Я долженъ обратить ваше вниманіе на то, что это было совершенною случайностью. Рысаковъ вовсе не помѣщался на одной квартирѣ съ Долгорукою, онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, въ которыхъ случайно жила и Долгорукая, и познакомилась съ нею въ слѣдствіе отпущенія, которыя обыкновенно бывають между жильцами съдѣльныхъ комнатъ. При томъ она была тогда въ болѣзненномъ положеніи. Поэтому знакомство съ нею и всякая услуга, оказанная ей Рысаковымъ, совершенно понятны и объясняются независимо отъ политическаго значенія Ширяева. Кромѣ того я еще долженъ замѣтить, что подсудимый Рысаковъ никогда не видалъ Ширяева, и что вся услуга Долгорукой съ его стороны заключалась лишь въ томъ, что онъ ходилъ по ее просьбѣ, на квартиру Ширяева за ее вещами, и такимъ образомъ этотъ случай объясняется весьма просто. По этой только причинѣ подсудимый Рысаковъ былъ арестованъ въ квартирѣ Ширяева, но затѣмъ его два черезъ два или три освободили. Очевидно, что это незначительное само по себѣ обстоятельство могло его случайно познакомить и завязать у него сношенія съ лицами, принадлежавшими въ революціонной партіи; но съ его стороны не было въ томъ ни малѣйшаго повода. Такимъ образомъ ясно, что онъ совершенно случайно попалъ въ ту среду, въ которой и заразился, какъ говорить господинъ прокуроръ, революціонными идеями. Когда всмотрѣшься въ характеръ этого мальчика, и вспомнишь злодѣяніе, совершаемое имъ 1-го марта, то приходишь въ совершенному убѣжденію, что преступленіе Рысакова можетъ быть объяснено случайнымъ стеченіемъ печальныхъ обстоятельствъ, и что одно лишь знакомство его съ Долгорукою, съ которой онъ жилъ въ сосѣдствѣ, случайно привело его въ сношенія съ нѣкоторыми изъ лицъ, принадлежавшихъ въ такъ называемой революціонной партіи. Такимъ образомъ очевидно, что скорѣе эта партія увлекла Рысакова, а не онъ искалъ ее. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ вовлеченъ въ революціонную дѣятельность другими болѣе сильными людьми и конечно вовлеченъ помимо его воли. Я думаю, что едва ли трудно доказывать это. Изъ судебного слѣдствія видно, что люди, съ которыми онъ встрѣтился, обладали такою энергіей, такимъ характеромъ, что всякое сопротивленіе ихъ волѣ со стороны всякаго мальчика едва ли было возможно, а тѣмъ болѣе со стороны такого, какимъ представляется, по удостовѣренію свидѣтелей, Рысаковъ. Одно уже это обстоятельство говорить въ его пользу. Наконецъ, я долженъ привести и то соображеніе, что изъ самой рѣчи господина прокурора ясно видно, что корнемъ всего зла въ настоящее время является отсутствіе въ обществѣ нравственныхъ принциповъ, отсутствіе въ немъ семейныхъ началъ и другихъ подобныхъ тому общія причины. Нельзя же ставить эти общественные недостатки въ вину подсудимому, котораго я защищаю. Конечно, если бы въ той средѣ, въ которой принадлежалъ Рысаковъ, существовали болѣе твердые нравственные принципы, то не могло бы случиться то печальное событіе, о которомъ идетъ дѣло. Тогда бы и Рысаковъ могъ оказать сопротивленіе тому влиянію, которое имѣли на него вожаки революціонной партіи. Однимъ словомъ, его участіе въ преступленіи было чистою случайностью. Поэтому, признаюсь, меня поразило заключеніе господина прокурора, что въ настоящемъ случаѣ этому человѣку, являющемуся лишь физическимъ виновникомъ событій 1-го марта, не можетъ быть оказано никакого снисхожденія и что онъ долженъ быть подверженъ подъ ту же мѣру, подъ какую подпадаютъ остальные подсудимые. Я полагаю, что съ этимъ нельзя согласиться. Нашъ законъ, въ числѣ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, а слѣдовательно и мѣру наказанія, прямо ставитъ тотъ случай, когда преступленіе совершено по легкомыслію и убѣжденію другихъ лицъ. Такимъ образомъ я полагаю, что законъ даетъ мнѣ юридическую почву для того, чтобы просить судъ, при обсужденіи виновности Рысакова, принять это обстоятельство во вниманіе. Наконецъ, я думаю, что свѣдѣльскій образъ Царя Освободителя, погибшаго отъ руки подсудимыхъ, даетъ мнѣ право просить о снисхожденіи, такъ какъ настоящее дѣло; по крайней мѣрѣ въ отношеніи въ подсудимому Рысакову, живо напоминаетъ случай, въ которомъ Спаситель сказалъ: „Господи, прости имъ, не вѣдаютъ бо что творятъ“.

Присяжный повѣренный Хартулари (защитникъ подсудимаго Михайлова). Гг. сенаторы и гг. сословные представители! Кто то совершенно справедливо замѣтилъ, что защита подсудимыхъ есть дань несчастью, не заплатить которую значить не исполнить